

Владимир Фёдорович Одоевский

**Opere Del Cavaliere
Giambattista Paranesi**

Владимир Одоевский

Opere Del Cavaliere
Giambattista Paranesi

«Public Domain»

1831

Одоевский В. Ф.

Opere Del Cavaliere Giambattista Paranesi / В. Ф. Одоевский —
«Public Domain», 1831

«Перед отъездом мы пошли проститься с одним из наших родственников, человеком пожилым, степенным, всеми уважаемым: у него во всю его жизнь была только одна страсть, про которую покойница – жена рассказывала таким образом:– Вот, примером сказать, Алексей Степаныч, уж чем не человек, и добрый муж, и добрый отец, и хозяин – все бы хорошо, если б не его несчастная слабость...»

© Одоевский В. Ф., 1831

© Public Domain, 1831

Содержание

Владимир Одоевский

Opere Del Cavaliere Giambattista Paranesi

1

Перед отъездом мы пошли проститься с одним из наших родственников, человеком пожилым, степенным, всеми уважаемым: у него во всю его жизнь была только одна страсть, про которую покойница – жена рассказывала таким образом:

– Вот, примером сказать, Алексей Степаныч, уж чем не человек, и добрый муж, и добрый отец, и хозяин – все бы хорошо, если б не его несчастная слабость...

Тут тетушка останавливалась. Незнакомый часто спрашивал:

– Да что, уж не запоем ли, матушка? – и готовился предложить лекарство; но выходило на деле, что эта слабость – была лишь библиомания. Правда, эта страсть в дяде была очень сильна; но она была, кажется, единственное окошко, чрез которое душа его заглядывала в мир поэтический; во всем прочем старик был – дядя, как дядя, курил, играл в вист по целым дням и с наслаждением предавался северному равнодушию. Но лишь доходило дело до книг, старик перерождался. Узнав о цели нашего путешествия, он улыбнулся и сказал:

– Молодость! молодость! Романтизм да и только! Что бы обернуться вокруг себя? уверяю вас, не едзя далеко, вы бы нашли довольно материалов.

– Мы не прочь от этого, – отвечал один из нас, – когда нам удастся посмотреть на других, тогда, может быть, мы доберемся и до себя; но начать с чужих, кажется, учтивее и скромнее. Сверх того, те люди, которых мы имеем в виду, принадлежат всем народам вместе, многие из наших или живы, или еще не совсем умерли: чего доброго – еще их родные обидятся... Не подражать же нам тем господам, которые заживо пекутся о прославлении себя и друзей своих, в твердой уверенности, что по их смерти никто о том по позаботится.

– Правда, правда! – отвечал старик, – уж эти родные! От них, во-первых, ничего не добьешься, а во-вторых, для них замечательный человек не иное что, как дядя, двоюродный братец, и прочее тому подобное. Ступайте, молодые люди, померьте землю: это здорово для души и для тела. Я сам в молодости ездил за море отыскивать редкие книги, которые здесь можно купить в половину дешевле. Кстати о библиографии. Не подумайте, чтоб она состояла из одних реестров книг и из переплетов; она доставляет иногда совсем неожиданные наслаждения. Хотите ль, я вам расскажу мою встречу с одним человеком в вашем роде? – Посмотрите, не попадет ли он в первую главу вашего путешествия!

Мы изъявили готовность, которую рекомендуем нашим читателям, и старик продолжал:

– Вы, может быть, видали карикатуру, которой сцена в Неаполе. На открытом воздухе, под изодранным навесом, книжная лавочка; кучи старых книг, старых гравюр; наверху Мадонна; вдали Везувий; перед лавочкой капуцин и молодой человек в большой соломенной шляпе, у которого маленький лазарони искусно вытягивает из кармана платок. Не знаю, как подсмотрел эту сцену проклятый живописец, но только этот молодой человек – я; я узнаю мой кафтан и мою соломенную шляпу; у меня в этот день украли платок, и даже на лице моем должно было существовать то же глупое выражение. Дело в том, что тогда денег у меня было не много, и их далеко не доставало для удовлетворения моей страсти к старым книгам. К тому же я, как все библиофилы, был скуп до чрезвычайности. Это обстоятельство заставляло меня избегать публичных аукционов, где, как в карточной игре, пылкий библиофил может в пух разориться; но зато я со всеусердием посещал маленькую лавочку, в которой додерживал немного, по которую зато имел удовольствие перерывать всю от начала до конца. Вы, может быть, не испытывали восторгов библиомании: это одна из самых сильных

¹ Труды кавалера Джаамбаттисты Паранези – итал.

страстей, когда вы дадите ей волю; и я совершенно понимаю того немецкого пастора, которого библиомания довела до смертоубийства. Я еще недавно, – хотя старость умерщвляет все страсти, даже библиоманию, – готов был убить одного моего приятеля, который прехладнокровно, как будто в библиотеке для чтения, разрезал у меня в эльзевире единственный листок, служивший доказательством, что в этом экземпляре полные поля², а он, вандал, еще стал удивляться моей досаде. До сих пор я не перестаю посещать менял, знаю наизусть все их поверья, предрассудки и уловки, и до сих пор эти минуты считаю если не самыми счастливыми, то по крайней мере приятнейшими в моей жизни. Вы входите: тотчас радушный хозяин снимает шляпу и со всею купеческою щедростию предлагает вам и романы Жанлис, и прошлогодние альманахи, и Скотский Лечебник. Но вам стоит только произнести одно слово, и оно тотчас укротит его докучливый энтузиазм; спросите только: «Где медицинские книги?» – и хозяин наденет шляпу, покажет вам запыленный угол, наполненный книгами в пергаментных переплетах, и спокойно усядется дочитывать академические ведомости прошедшего месяца. Здесь нужно заметить для вас, молодых людей, что еще во многих наших книжных лавочках всякая книга, в пергаментном переплете и с латинским заглавием, имеет право называться медицинской; и потому можете судить сами, какое в них раздолье для библиографа: между «Наукою о бабичьем деле, на пять частей разделенной и рисунками снабженной», Нестора Максимовича Амбодика, и «Bonati Thesaurus medico-practicus undique collectus»³ вам по падется маленькая книжонка, изорванная, замаранная, запыленная; смотрите, – это: «Advis fidel aux veritables Hollandais touchant ce qui s'est passe dans les villages de Bodegrave et Swarcrriprdam». 1673⁴, – как занимательно! Но это никак эльзевир! эльзевир! Имя, приводящее в сладкий трепет всю нервную систему библиофила... Вы сваливаете не сколько пожелтевших «Hortus sanitatis», «Jardin de devo tion», «Les Fleurs de bien dire, recueillies aux cabinets des plus rares esprits pour exprimer les passions amoureuses de l'un et de l'autre sexe par forme de dictionnaire»⁵, – и вам попадает латинская книжка без переплета и без начала; разворачиваете: как будто похоже на Вергилия, – но что слово, то ошибка!.. Неужели в самом деле? не мечта ли обманывает вас? неужели это знаменитое издание 1514 года:

«Virgilius, ex recensione Naugerii»⁶ И вы не достойны назваться библиофилом, если у вас сердце не выпрыгнет от радости, когда, дошедши до конца, вы увидите четыре полные страницы опечаток, верный признак, что это именно то самое редкое, драгоценное издание Альдов, перло книгохранилищ, которого большую часть экземпляров истребил сам издатель, в досаде на опечатки.

В Неаполе я мало находил случаев для удовлетворения своей страсти, и потому можете себе представить, с каким изумлением, проходя по Piazza Nova⁷, увидел груды пергаменов; эту-то минуту библиоманического оцепенения и поймал мой незванный портретист... Как бы то ни было, я со всею хитростию библиофила равнодушно приблизился к лавочке и, перебирая со скрытым нетерпением старые молитвенники, сначала не заметил, что в другом углу к большому фолианту подошла фигура в старинном французском кафтане, в напудренном парике, под которым болтался пучок, тщательно свитый. Не знаю, что заставило нас обоих обернуться, – в этой фигуре я узнал чудака, который всегда в одинаковом костюме с важно-

² Известно, что для библиоманов ширина полей играет важную роль. Есть даже особенный инструмент для измерения их, и несколько линий больше или меньше часто увеличивают или уменьшают цену книги на целую половину. (Примеч. В. Ф. Одоевского.)

³ «Полный медико-практический словарь Бонатуса» – лат.

⁴ «Достоверный отчет о природных голландцах, касающийся происшедшего в деревнях Бодеграве и Сваммердам» – франц.

⁵ «Сад здравия», «Сад благочестия», «Цветы красноречия, выбранные в форме словаря из библиотек лучших авторов для выражения любовных страстей лиц обоего пола» – франц.

⁶ Вергилий, изданный Наугерием – лат.

⁷ Новая площадь – итал.

стию прохаживался по Неаполю и при каждой встрече, особенно с дамами, с улыбкою приподнимал свою изношенную шляпу корабликом. Давно уже видал я этого оригинала и весьма был рад случаю свести с ним знакомство. Я посмотрел на развернутую перед ним книгу: это было собрание каких-то плохо перепечатанных архитектурных гравюр. Оригинал рассматривал их с большим вниманием, мерил пальцами намалеванные колонны, приставлял ко лбу перст и погружался в глубокое размышление.

«Он, видно, архитектор, – подумал я, – чтоб полюбиться ему, притворюсь любителем архитектуры». При этих словах глаза мои обратились на собрание огромных фолиантов, на которых выставлено было: «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi». «Прекрасно!» – подумал я, взял один том, развернул его, – но бывшие в нем проекты колоссальных зданий, из которых для построения каждого надобно бы миллионы людей, миллионы червонцев и столетия, – эти иссеченные скалы, взнесенные на вершины гор, эти реки, обращенные в фонтаны, – все это так привлекло меня, что я на минуту забыл о моем чуде. Более всего поразил меня один том, почти с начала до конца наполненный изображениями темниц разного рода; бесконечные своды, бездонные пещеры, замки, цепи, поросшие травой стены – и, для украшения, всевозможные казни и пытки, которые когда-либо изобретало преступное воображение человека... Холод пробежал по моим жилам, и я невольно закрыл книгу. Между тем, заметив, что оригинал нимало не удостоивает внимания зодческий энтузиазм мой, я решился обратиться к нему с вопросом:

– Вы, конечно, охотник до архитектуры? – сказал я.

– До архитектуры? – повторил он, как бы ужаснувшись. – Да, – промолвил он, взглянув с улыбкой презрения на мой изношенный кафтан, – я большой до нее охотник! – и замолчал.

«Только-то? – подумал я, – этого мало».

– В таком случае, – сказал я, снова раскрывая один из томов Пиранези, – посмотрите лучше на эти прекрасные фантазии, а не на лубочные картинки, которые лежат перед вами.

Он подошел ко мне нехотя, с видом человека, досаждающего, что ему мешают заниматься делом, но едва взглянул на раскрытую передо мной книгу, как с ужасом отскочил от меня, замахал руками и закричал:

– Бога ради, закройте, закройте эту негодную, эту ужасную книгу!

Это мне показалось довольно любопытно.

– Я не могу надивиться вашему отвращению от такого превосходного произведения; мне оно так нравится, что я сей же час куплю его, – и с сими словами я вынул кошелек с деньгами.

– Деньги! – проговорил мой чудак этим звучным шепотом, о котором мне недавно напомнил несравненный Каратыгин в «Жизни Игрока». – У вас есть деньги! – повторил он и затрясся всем телом.

Признаюсь, это восклицание архитектора несколько рас охладило мое желание войти с ним в тесную дружбу; но любопытство превозмогло.

– Разве вы нуждаетесь в деньгах? – спросил я.

– Я? Очень нуждаюсь! – проговорил архитектор, – и очень, очень давно нуждаюсь, – прибавил он, ударяя на каждое слово.

– А много ли вам надобно? – спросил я с чувством. – Может, я и могу помочь вам.

– На первый случай мне нужно безделицу – сущую безделицу, десять миллионов червонцев.

– На что же так много? – спросил я с удивлением.

– Чтобы соединить сводом Эгну с Везувием, для триумфальных ворот, которыми начнется парк проектированного мною замка, – отвечал он, как будто ни в чем не бывало.

Я едва мог удержаться от смеха.

– Отчего же, – возразил я, – вы, человек с такими колоссальными идеями, – вы приняли с отвращением произведения зодчего, который, по своим идеям, хоть несколько приближается к вам?

– Приближается? – воскликнул незнакомец. – Приближается! Да что вы ко мне пристаёте с этой проклятою книгою, когда я сам сочинитель ее?

– Нет, это уж слишком! – отвечал я. С этими словами взял я лежавший возле «Исторический словарь» и показал ему страницу, на которой было написано: «Жанбатиста Паранезе, знаменитый архитектор... умер в 1778...»

– Это вздор! это ложь! – закричал мой архитектор. – Ах, я был бы счастлив, если б это была правда! Но я живу, к несчастью моему живу, – и эта проклятая книга мешает мне умереть. Любопытство мое час от часу возрастало.

– Объясните мне эту странность, – сказал я ему, – поверьте мне свое горе: повторяю, что я, может быть, и могу помочь вам.

Лицо старика прояснилось; он взял меня за руку.

– Здесь не место говорить об этом; нас могут подслушать люди, которые в состоянии повредить мне. О! я знаю людей... Пойдемте со мною; я дорогой расскажу вам мою страшную историю.

Мы вышли.

– Так, сударь, – продолжал старик, – вы видите во мне знаменитого и злополучного Паранези. Я родился человеком с талантом... что я говорю? теперь запираться уже поздно, – я родился с гением необыкновенным. Страсть к зодчеству развилась во мне с младенчества, и великий Микель-Анджело, поставивший Пантеон на так называемую огромную церковь Св. Петра в Риме, в старости был моим учителем. Он восхищался моими планами и проектами зданий, и когда мне исполнилось двадцать лет, великий мастер отпустил меня от себя, сказав: «Если ты останешься долее у меня, то будешь только моим подражателем; ступай, прокладывай себе новый путь, и ты увековечишь свое имя без моих стараний». Я повиновался, и с этой минуты начались мои несчастья. Деньги становились редки. Я нигде не мог найти работы; тщетно представлял я мои проекты и римскому императору, и королю французскому, и папам, и кардиналам: все меня выслушивали, все восхищались, все одобряли меня, ибо страсть к искусству, возженная покровителем Микель-Анджело, еще тлелась в Европе. Меня берегли как человека, владеющего силою приковывать преславные имена к славным памятникам; но когда доходило дело до постройки, тогда начинали откладывать год за годом: «Вот поправятся финансы, вот корабли принесут заморское золото», – тщетно! Я употреблял все происки, все ласкательства, недостойные гения, – тщетно! я сам пугался, видя, до какого унижения доходила высокая душа моя, – тщетно! тщетно! Время проходило, начатые здания оканчивались, соперники мои снискивали бессмертие, а я – скитался от двора к двору, от передней к передней, с моим портфелем, который напрасно час от часу более и более наполнялся прекрасными и неисполнимыми проектами. Рассказать ли вам, что я чувствовал, входя в богатые чертоги с новою надеждою в сердце и выходя с новым отчаянием? – Книга моих темниц содержит в себе изображение сотой доли того, что происходило в душе моей. В этих вертепах страдал мой гений; эти цепи глодал я, забытый неблагодарным человечеством... Адское наслаждение было мне изобретать терзания, зарождавшиеся в озлобленном сердце, обращать страдания духа в страдание тела, – но это было мое единственное наслаждение, единственный отдых.

Чувствуя приближение старости и помышляя о том, что если бы кто и захотел поручить мне какую-либо постройку, то недостало бы жизни моей на ее окончание, я решился на печатать свои проекты, на стыд моим современникам и чтобы показать потомству, какого человека они не умели ценить. С усердием принялся я за эту работу, гравировал день и ночь, и проекты мои расходились по свету, возбуждая то смех, то удивление. Но со мной стало совсем другое. Слушайте и удивляйтесь... Я узнал теперь горьким опытом, что в каждом произведе-

нии, выходящем из головы художника, зарождается дух-мучитель; каждое здание, каждая картина, каждая черта, невзначай проведенная по холсту или бумаге, служит жилищем такому духу. Эти духи свойства злого: они любят жить, любят множиться и терзать своего творца за тесное жилище. Едва почувяли они, что жилище их должно ограничиться одними гравированными картинами, как вознегодовали на меня... Я уже был па смертной постели, как вдруг... Слышали ль вы о человеке, которого называют вечным жидом? Все, что рассказывают о нем, – ложь: этот злополучный перед вами... Едва я стал смыкать глаза вечным сном, как меня окружили призраки в образе дворцов, палат, домов, замков, сводов, колони. Все они вместе давили меня своею громадою и с ужасным хохотом просили у меня жизни. С той минуты я не знаю покоя; духи, мною порожденные, преследуют меня: там огромный свод обхватывает меня в свои объятия, здесь башни гонятся за мною, шагая верстами; здесь окно дребезжит передо мною своими огромными рамами. Иногда заключают они меня в мои собственные темницы, опускают в бездонные колодцы, куют меня в собственные мои цепи, дождят на меня холодную плесенью с полуразрушенных сводов, – заставляют меня переносить все пытки, мною изобретенные, с костра сбрасывают на дыбу, с дыбы на вертел, каждый нерв подвергают неожиданному страданию, – и между тем, жестокие, прядают, хохочут вокруг меня, не дают умереть мне, допытываются, зачем осудил я их на жизнь неполную и на вечное терзание, – и наконец, изможденного, ослабевшего, снова выталкивают на землю. Тщетно я перехожу из страны в страну, тщетно высматриваю, не подлomioсь ли где великолепное здание, на смех мне построенное моими соперниками. Часто, в Риме, ночью, я приближаюсь к стенам, построенным этим счастливецом Микелем, и слабою рукою ударяю в этот проклятый купол, который и не думает шевелиться, – или в Пизе вешаюсь обеими руками на эту негодную башню, которая, в продолжение семи веков, нагибается на землю и не хочет до нее дотянуться. Я уже пробежал всю Европу, Азию, Африку, переплыл море: везде я ищу разрушенных зданий, которые мог бы воссоздать моею творческою силою; рукоплескаю бурям, землетрясениям. Рожденный с обнаженным сердцем поэта, я почувствовал все, чем страдают несчастные, лишенные обиталища, пораженные ужасами природы; я плачу с несчастными, но не могу не трепетать от радости при виде разрушения... И все тщетно! час создания не наступил еще для меня – или уже прошел: многое разрушается вокруг меня, но многое еще живет и мешает жить моим мыслям. Знаю, до тех пор не сомкнутся мои ослабевшие вежды, пока не найдется мой спаситель и все колоссальные мои замыслы будут не на одной бумаге. Но где он? где найти его? Если и найду, то уже проекты мои устарели, многое в них опережено веком, – а нет сил обновить их! Иногда я обманываю моих мучителей, уверяя, что занимаюсь приведением в исполнение какого-либо из проектов моих; и тогда они на минуту оставляют меня в покое. В таком положении был я, когда встретился с вами; во пришло же вам в голову открыть передо мною мою проклятую книгу: вы не видали, но я... я видел ясно, как одна из пилястр храма, построенного в середине Средиземного моря, закивала на меня своей косматой головою... Теперь вы знаете мое несчастье: помогите же мне, по обещанию вашему. Только десять миллионов червонцев, умоляю вас! – И с сими словами несчастный упал предо мною на колени.

С удивлением и жалостию смотрел я на бедняка, вынул червонец и сказал:

– Вот все, что могу я дать вам теперь. Старик уныло посмотрел на меня.

– Я это предвидел, – отвечал он, – но хорошо и это: я приложу эти деньги к той сумме, которую собираю для покупки Монблана, чтоб срыть его до основания; иначе он будет отнимать вид у моего увеселительного замка.

С сими словами старик поспешно удалился...